

ФИЛОСОФИЯ "ОБРЫВКОВ" ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

"Курьер", 1903 г., No 33

Войницкий. Начать новую жизнь... Подскажи мне, как начать... С чего начать...

Астров (с досадой). Э, ну тебя! Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно.

Войницкий. Да?

Астров. Я убежден в этом.

"Дядя Ваня", А. Чехов (действ. 4-е)

Позитивное "Русское Богатство" выступило с критикой возрожденной в наши дни метафизики. Но, как и должно было предвидеть, направляя удар против последней, оно - в лице А. Пешехонова ("Проблемы совести и чести в учении новейших метафизиков") - сделало попытку направить удар и против истинно-реалистической "догмы".

Г. Пешехонов прибегнул в данном случае к не раз уже практиковавшемуся полемическому приему. Прием этот заключается в том, что устанавливается генетическая связь мировоззрения "русских учеников" с тем или иным реакционным учением.

Известен классический пример пользования этим приемом: несколько лет тому назад один заслуженный критик-публицист, желая подорвать всякий кредит к "русским ученикам", объявил их духовными преемниками декаденства. Г. Пешехонов поступает аналогично: он старается доказать, что новейшая метафизика находится в органическом родстве с "догматизмом", что исторический материализм, в силу присущих ему внутренних противоречий, неизбежным, роковым образом должен был привести к нео-идеалистической реакции.

"Для нас, - говорит он, - всегда было очевидно, что на "голом классовом интересе нельзя основать великого исторического движения"; мы всегда утверждаем, что многое в прошлом, многое в настоящем и еще более в ожидаемом нами будущем нельзя объяснить и обосновать механическим развитием производственных сил и стихийной борьбы экономических классов".

Последователи исторического монизма, по мнению г. Пешехонова, всецело подчиняли "сознание" "бытию", целесообразность - причинности, свободу - необходимости. Но в то же время они учили о знаменитом "прыжке из царства необходимости". И в данном пункте таилась гибель для их догмы; данный пункт обусловил "неизбежность той реакции, которая наградила теперь нас метафизическим идеализмом".

Эволюционная наука не может признавать подобного рода "прыжков". Для того, чтобы сохранить за своей догмой авторитет науки, "русские ученики" должны были "указать менее рискованный и более верный путь перехода из царства необходимости в царство свободы, из мира причинности, которая определила судьбу человека в прошлом и определяет в настоящем, - в мир целесообразности, которая откроется для него в будущем".

И вот "русские ученики" начали, - по словам г. Пешехонова, - сдаваться, т. е. делать уступки субъективной социологии.

Но сдавались они очень медленно. Тогда из их среды выделились люди более нетерпеливые, которые решили поскорей покончить с процессом "капитуляции", поскорей совершить положенный судьбой "прыжок".

"Прыжок" был ими произведен. Но "прыгнули" они не совсем удачно: для того, чтобы облегчить себе "прыжок", они обратились за помощью к метафизике. Метафизики заставили их залететь слишком далеко; так далеко, что они очутились по соседству с лагерем реакционеров и обскурантов.

Таким простым и прямолинейным объяснением г. Пешехонов старается дискредитировать исторический монизм.

Но подобное объяснение не способно достичь своей цели. Оно свидетельствует лишь о двух фактах.

Во-первых, оказывается, что публицист "Русского Богатства" мало осведомлен относительно "ортодоксии". Говоря о догматизме, он все время говорит лишь о той доктрине, которая является лишь искажением догматизма и которая, поэтому, подвергается строгому осуждению со стороны истинных "ортодоксов": в преклонении перед "стихийной" игрой производительных сил перед "голым классовым